

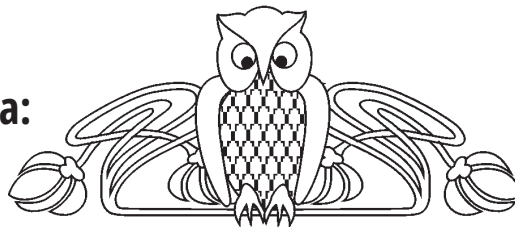


Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 65–72  
*Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 65–72  
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-65-72>

Научная статья  
УДК 342.21

## Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт



С. А. Куликова ✉, И. Д. Кирносов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, [kulikovasveta@inbox.ru](mailto:kulikovasveta@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>

Кирносов Иван Денисович, магистрант кафедры конституционного и муниципального права, [kir-iv.2215@yandex.ru](mailto:kir-iv.2215@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1655-8928>

**Аннотация. Введение.** Выявление и анализ факторов, влияющих на трансформацию основных институтов конституционного права, зарождение и развитие новых конституционно-правовых институтов, представляется актуальной проблемой для науки конституционного права. Одним из динамически развивающихся институтов конституционного права является, на наш взгляд, охрана исторической памяти. В представленной статье используются формально-юридический, исторический и компаративистский методы, их применение позволит провести комплексное исследование конституционализации государственной мемориальной политики в России и за рубежом. **Теоретический анализ.** Охрана исторической памяти является многосоставным конституционно-правовым институтом, включающим как минимум три уровня: создание и закрепление государственной мемориальной концепции (национального образа истории); сохранение исторического наследия; защита исторической памяти от посягательств и искажения. Рассмотрим их подробнее на примере сначала конституционного права зарубежных государств, а затем конституционного права Российской Федерации. **Эмпирический анализ.** Изучение конституционно-правовых актов зарубежных стран позволяет выделить устойчивую тенденцию повышения социальной и политической значимости осмысления собственной национальной истории, что способствует формированию конституционно-правового института охраны исторической памяти во многих зарубежных государствах. В России постепенно формировалось законодательство, направленное на охрану исторической памяти, включающее в себя как меры позитивного правового регулирования, так и запреты публичного оспаривания исторических фактов, связанных со Второй мировой войной. Более сложной оказалась задача выработки единой политико-правовой концепции национального образа истории и ее конституционно-правовой легализации. **Результаты.** Установление государственной мемориальной концепции на конституционном уровне призвано решить задачи по определению аксиологических основ развития общества, формированию национального самосознания, сохранению культурной идентичности и духовно-информационного суверенитета. Высокая социальная значимость регулируемых общественных отношений, их относительная обособленность и внутреннее структурное единство дают основание сделать вывод о формировании нового конституционно-правового института охраны исторической памяти. Этот процесс характерен как для России, так и для зарубежных стран. Дискуссионные вопросы формирования указанного института связаны с его соотношением с уже сложившимися принципами и институтами конституционного права.

**Ключевые слова:** система конституционного права, мемориальные законы, сохранение исторического наследия, защита исторической памяти, отрицание итогов Второй мировой войны, культурная самоидентичность

**Для цитирования:** Куликова С. А., Кирносов И. Д. Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 65–72. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-65-72>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Protection of historical memory as an institution of constitutional law: Russian and foreign experience

S. A. Kulikova ✉, I. D. Kirnosov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svenlana A. Kulikova, [kulikovasveta@inbox.ru](mailto:kulikovasveta@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>

Ivan D. Kirnosov, [kir-iv.2215@yandex.ru](mailto:kir-iv.2215@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1655-8928>

© Куликова С. А., Кирносов И. Д., 2022



**Abstract. Introduction.** Identification and analysis of factors influencing the transformation of the main institutions of constitutional law, the emergence and development of new constitutional and legal institutions are considered to be an urgent problem for the science of constitutional law. One of the dynamically developing institutions of constitutional law is, in our opinion, the protection of historical memory. The article uses formal legal, historical and comparative methods. Their application will allow for a comprehensive study of the constitutionalization of state memorial policy in Russia and abroad. **Theoretical analysis.** The protection of historical memory is a multi-component constitutional and legal institution that includes at least three levels: creation and consolidation of the state memorial concept (national image of history); preservation of historical heritage; protection of historical memory from encroachments and distortion. The authors study them in more detail, first, by examining constitutional law of foreign states, and, then, by looking at the constitutional law of the Russian Federation. **Empirical analysis.** The research into constitutional and legal acts of foreign countries makes it possible to identify a steady tendency towards increasing social and political significance of understanding one's own national history, which contributes to the formation of a constitutional and legal institution for the protection of historical memory in many foreign countries. Legislation aimed at protecting historical memory was gradually being formed in Russia, including both measures of positive legal regulation and prohibitions on publicly challenging historical facts related to the Second World War. The task of developing a unified political and legal concept of the national image of history and its constitutional and legal legalization turned out to be more difficult. **Results.** The establishment of the state memorial concept at the constitutional level is aimed at solving the tasks of determining the axiological foundations of development of society, formation of national identity, preservation of cultural identity and spiritual and informational sovereignty. The high social significance of regulated public relations, their relative isolation and internal structural unity give reason to conclude that a new constitutional and legal institution for the protection of historical memory is being formed. This process is typical of both Russia and foreign countries. The controversial issues of the formation of this institution are related to its relationship with the already established principles and institutions of constitutional law.

**Keywords:** system of constitutional law, memorial laws, preservation of historical heritage, protection of historical memory, denial of the results of the Second World War, cultural identity

**For citation:** Kulikova S. A., Kirnosov I. D. Protection of historical memory as an institution of constitutional law: Russian and foreign experience. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 65–72 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-65-72>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Системно-структурное строение отрасли конституционного права определяется особым характером конституционно-правовых отношений, охватывающих наиболее важные сферы общественной жизни. Дихотомия статических и динамических характеристик системы институтов конституционного права обусловлена тем, что устойчивость основных, системообразующих институтов, таких как основы конституционного строя, основы правового статуса личности, федеративное устройство, формирование и функционирование органов публичной власти, является базовым условием государственного суверенитета и стабильности развития государства, гарантированности прав и свобод человека и гражданина, реализации принципа разделения властей. В то же время изменение общественных отношений, появление новых социальных феноменов или их социально-политическая переоценка способствуют большей или меньшей трансформации классических конституционно-правовых институтов и становлению новых.

Размышляя о предмете конституционного права, О. Е. Кутафин обращает внимание на то, что «система конституционного права является подвижной категорией, изменяющейся в связи с потребностями социальной реальности» [1, с. 54]. Г. Н. Комкова отмечает тенденцию «увеличения количества комплексных институтов конституционного права, которые образуются путем включения в институт конституционного

права норм других отраслей», в качестве примера исследовательница приводит развитие нормы о сущности социального государства, закрепленной в ст. 7 Конституции РФ, в институт права социальной защиты [2, с. 77].

С точки зрения Г. Д. Садовниковой, на формирование институтов конституционного права огромное влияние оказывает политическая жизнь страны. По ее мнению, институт избирательного права в советский период не выделялся, поскольку существовала «практика безальтернативных выборов, относительной простоты законодательства, негласной системы квотирования, предсказуемости результата, достигаемого скорее политическими, чем правовыми методами. В начальный «романтический» период постсоветской истории институт выборов и избирательного права стал реализовывать свое истинное предназначение: формирование органов публичной власти на основе волеизъявления народа (в территориальных образованиях – его части). С формированием института местного самоуправления резко увеличилось число выборных лиц» [3, с. 86]. Усложнение политической жизни привело к повышению социальной значимости выборов, формированию широкого круга нормативных правовых актов о выборах на всех уровнях публичной власти и формированию конституционно-правового института избирательного права.

Выявление и анализ факторов, влияющих на трансформацию основных институтов конституционного права, зарождение и развитие новых



конституционно-правовых институтов представляются актуальной проблемой для науки конституционного права.

Одним из динамически развивающихся институтов конституционного права является, на наш взгляд, охрана исторической памяти. В представленной статье используются формально-юридический, исторический и компаративистский методы, их применение позволит провести комплексное исследование конституционализации государственной мемориальной политики в России и за рубежом.

### Теоретический анализ

Охрана исторической памяти является многокомпонентным конституционно-правовым институтом, включающим как минимум три уровня:

- 1) создание и закрепление государственной мемориальной концепции (национального образа истории);
- 2) сохранение исторического наследия;
- 3) защита исторической памяти от посягательств и искажения.

Рассмотрим их подробнее сначала на примере конституционного права зарубежных государств, а затем конституционного права Российской Федерации

### Эмпирический анализ

Изучение норм конституций зарубежных стран позволяет сделать выводы, что концепция национального образа истории устанавливается непосредственно в конституционном тексте, чаще всего в преамбуле конституции, или в декларации независимости (отдельном виде источников конституционного права, появление которых обычно предшествует принятию конституции).

При этом, как правило, выделяются определенные этапы становления отечественной государственности: национально-освободительная борьба, война с внешними противниками, освобождение от колониальной зависимости или оккупационного режима, социальная революция, восстановление территориального единства и образование национального государства. Подобные нарративы присутствуют в преамбулах конституций Китайской Народной Республики, Демократической Республики Восточный Тимор, Народно-Демократической Республики Лаос, Южной Кореи, Социалистической Республики Вьетнам, Кубы, Арабской Республики Египет [4].

Особенностью указанных выше повествований являются закрепление идеи непрерывности национальной истории как освобождения от колониализма или иностранной зависимости, преодоление феодализма и построение нацио-

нального государства нового типа. При таком способе мемориальной репрезентации, по мнению В. В. Бушуева, решаются несколько задач: представление в тексте конституции государственной концепции отечественной истории «выражает сакральную матрицу исторического сознания соответствующего социума, «священную историю» народа. Закрепленность ее на уровне конституции, как основного закона, позволяет защищать сакральные страницы истории и сакрализованных исторических героев от дискредитации» [5, с. 79].

Существуют и другие модели исторических повествований, отраженные в конституциях. Например, в преамбуле Конституции Польской Республики выстраивается концепция Трех Польских Республик: к первым двум относятся Речь Посполитая (1569–1795) и Польская Республика (1918–1939), Третьей Республикой является современная Польша. Другие исторические периоды, включая Польскую Народную Республику (1944–1989) упоминаются как «печальный опыт времен, когда основные свободы и права человека в нашем Отечестве подвергались грубым нарушениям».

В преамбуле Конституции Латвии создается концепция двух Латвийских Республик: Латвийское государство, провозглашенное Актом о независимости от 18 ноября 1918 г., его государственное устройство было закреплено в Конституции, принятой Учредительным собранием 15 февраля 1922 г., и современная Латвийская Республика, историческим моментом возрождения которой в Конституции указывается 4 мая 1990 года – день, когда Верховный Совет Латвийской ССР принял «Декларацию о восстановлении государственной независимости Латвийской Республики». Подобные положения содержатся и в Декларациях независимости Литовской ССР от 26 мая 1989 г. и Эстонской ССР от 16 ноября 1988 г. В текстах конституций и деклараций независимости подобная политика достигается двумя способами: с помощью апелляции к историческим событиям, подтверждающим историческую преемственность, и с помощью маргинализации отдельных периодов истории.

Далеко не во всех конституциях историческое повествование излагается так подробно, как в приведенных выше конституционных текстах. Довольно часто в преамбулах конституций государственная концепция истории присутствует в «свернутом» виде. В этом случае указывается на память о многовековом опыте борьбы за национальное существование и свою государственность, верность присущим нации добрым традициям и заветам предков (конституции Словакии, Армении, Чешской Республики).



Можно сделать вывод, что и в случае наличия подробного описания наиболее значимых исторических событий, и в случае короткой обобщенной апелляции к прошлому закрепление национального образа истории на конституционном уровне способствует определению аксиологических основ государственной концепции политики памяти, исторические события и периоды оцениваются как сыгравшие позитивную или негативную роль.

Другой важной составляющей охраны исторической памяти является сохранение исторического наследия. Этот уровень конституционно-правового института охраны исторической памяти обычно находит свое выражение в конституционных главах и разделах, посвященных образованию и культуре, а также в законодательстве, направленном на развитие образования и сохранение культурного наследия нации. Например, в Конституции Филиппин содержатся следующие положения: «Государство сохраняет, развивает и популяризирует национальное историческое и культурное наследие и ресурсы... Художественное и историческое достояние страны считается культурным богатством нации и находится под защитой государства» (ст. 15 и 16 Части XIV) [4]. Подобные нормы установлены в конституциях КНР, Армении, Греции, Кубы, Латвии, Литвы, Словении, Украины.

Иная концепция представлена в конституциях Грузии, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, где бережное отношение к историко-культурному наследию относится к правам и обязанностям каждого гражданина.

В конституциях некоторых государств устанавливаются социальные гарантии участникам исторических событий. Например, в Конституции Арабской Республики Египет закреплена норма, согласно которой государство обязуется «читать память мучеников нации, обеспечивать раненых революции, пожилых военных ветеранов, раненых, семьи пропавших во время войны, их жен, детей и родителей» (ст. 16). Особая забота государства об инвалидах и жертвах войны, вдовах и сиротах павших в войне гарантируется Конституцией Греции (ст. 21.2). Особый статус ветеранов войны провозглашается Конституцией Республики Беларусь (ст. 47) [4].

Соответствующие конституционные нормы находят свое продолжение в законодательных актах, устанавливающих памятные даты исторических событий, социальные льготы и материальные гарантии героям и жертвам, образовательные стандарты, направленные на формирование знаний об основных этапах развития своей страны, меры государственной поддержки пропаганды национального образа истории.

Еще одним аспектом охраны исторической памяти, получившим свое конституционно-правовое развитие на рубеже XX–XXI вв., является защита «своей» национальной памяти от посягательств. Нормы, направленные на защиту государственной концепции исторической памяти, как правило, устанавливаются специальными законами, а также законодательством, предусматривающим ответственность за административные правонарушения и уголовные преступления. Наличие подобных норм непосредственно в тексте конституций является скорее исключениями.

Первым законом, направленным на защиту исторической памяти, считается французский закон, получивший имя своего инициатора Жана-Клода Гейссо, принятый 13 июля 1990 г. № 90-615 «О пресечении любых расистских, антисемитских или ксенофобных действий» [6]. Закон Гейссо вводил в действовавший Закон «О свободе печати» статьи, запрещающие публичное оспаривание преступлений против человечности, определенных ст. 6 Устава Международного военного трибунала (Нюрнбергского трибунала), которые были совершены членами организации, объявленной преступной в соответствии со ст. 9 Устава. Таким образом, посягательство на историческую память было криминализовано.

По данным, приведенным в исследовании И. А. Варченко и Л. Г. Литвяк, законы, прямо запрещающие публичное отрицание, преуменьшение, одобрение или оправдание преступлений, совершенных нацистами, приняты в Австрии, Бельгии, Германии, Польше, Словении, Франции, Швейцарии, Канаде, Израиле, Португалии, Чехии, Словакии, Венгрии и ряде других стран мира. В ряде государств такое отрицание преследуется в рамках существующих уголовных кодексов, а в некоторых приняты специальные законы, запрещающие такого рода деяния [7, с. 501].

Самым недавним примером развития законодательства, направленного на защиту государственной концепции памяти, является внесение в январе 2018 г. изменений в Закон Республики Польша «Об Институте национальной памяти», в соответствии с которыми вводится наказание в виде штрафа или лишения свободы на срок до трех лет за публичное использование выражений «польские лагеря смерти» при описании концлагерей, которые существовали на территории оккупированной Польши; высказывания о том, что Польша является соучастником нацистской Германии в ее военных преступлениях, преступлениях против человечности, в том числе совершенных во время Холокоста; за пропаганду бандеровской идеологии и отрицание «преступлений украинских националистов» [8].



Таким образом, изучение конституционно-правовых актов зарубежных стран позволяет выделить устойчивую тенденцию повышения социальной и политической значимости осмысления собственной национальной истории, что способствует формированию конституционно-правового института охраны исторической памяти во многих зарубежных государствах.

В Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г., концепция национальной истории получила крайне лаконичное отражение. В преамбуле Конституции содержатся краткие формулировки, обращенные к отечественной истории: «сохраняя исторически сложившееся государственное единство», «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», «возрождая суверенную государственность России» [9]. Кроме того, ч. 3 ст. 44 Конституции устанавливает обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. По мнению С. А. Куликовой и В. А. Митрохина, отсутствие консенсуса в понимании исторического прошлого страны, характерное для периода перестройки, когда принималась Конституция, не могло не отразиться на ее содержании, «в итоге тема советской истории и ее связи с “новой” Россией была попросту проигнорирована авторами документа» [10, с. 50].

Тем не менее, в Российской Федерации шло формирование конституционно-правового института охраны исторической памяти. В первую очередь, оно связано с принятием двух фундаментальных правовых актов: Федерального закона от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» и Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа», в преамбуле которого провозглашалось, что «история России богата знаменательными событиями. Во все века героизм, мужество воинов России, мощь и слава русского оружия были неотъемлемой частью Российского государства. Помимо военных побед существуют события, достойные быть увековеченными в народной памяти» [11].

Проводя анализ указанного законодательства, А. Ю. Дорский и Н. Н. Черногор характеризуют его как «мягкое» мемориальное право, приводя следующую аргументацию: во-первых, в анализируемых законах в большинстве случаев выражалась точка зрения, по которой имелся социальный консенсус (речь шла об исторических событиях, значение которых получило высокое признание в обществе); во-вторых, оно носило позитивный характер (утверждалось большое значение в истории тех или иных событий, а не осуждались те

или иные действия), соблюдение этих законов предполагало минимум обязательных действий (проведение торжественных мероприятий в дни воинской славы, разработка правительственных целевых программ для социальной и материальной поддержки участников и жертв войны) [12, с. 319].

Норма, направленная на защиту исторической памяти, также изначально получила закрепление в Федеральном законе «Об увековечении Победы советского народа», где в ч. 2 ст. 6 запрещалось любое использование нацистской символики. Этот запрет нашел отражение в антиэкстремистском законодательстве, ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ, предусматривающих наказание соответственно за публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики и за распространение экстремистских материалов. С 2014 по 2021 г. количество запретов, направленных на охрану исторической памяти, увеличилось. В настоящее время российское законодательство предусматривает ответственность за правонарушения и преступления, объектом которых является историческая память:

– публичное распространение информации, отрицающей факты, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», либо одобряющей преступления, установленные указанным приговором, а равно публичное распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны (ч. 4.1. ст. 13.15 КоАП РФ);

– отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично (ст. 354.1. УК РФ).

– отождествление целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран «оси» (ст. 6.1. Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа»);

– отрицание решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы (ст. 6.1. Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа»).



Таким образом, в России постепенно формировалось законодательство, направленное на охрану исторической памяти, включающее в себя как меры позитивного правового регулирования, так и запреты публичного оспаривания исторических фактов, связанных со Второй мировой войной.

Более сложной оказалась задача выработки единой политико-правовой концепции национального образа истории и ее конституционно-правовой легализации.

Как отмечают А. А. Дорская и А. Ю. Дорский, «современное Российское государство оказалось в непростой ситуации, когда за один век произошли две кардинальные смены формы правления и государственно-территориального устройства, политического режима, принципов правовой системы, государственной идеологии и т. п. Поэтому официальная политика памяти выработывалась и выработывается в достаточно сложных условиях, когда необходимо, с одной стороны, сохранять и приумножать то ценное, что досталось в наследство от двух таких непохожих эпох, как имперская и советская, а с другой – самоидентифицироваться и определиться с основными векторами развития в новом веке и тысячелетии» [13, с. 126].

На протяжении всего последующего периода тема отношения к отечественной истории, включая советский период, неизменно находилась в центре внимания общественных и политических сил. Примером может служить острая полемика, развернувшаяся в декабре 2019 г. после опубликования особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации К. В. Арановского, назвавшего Советский Союз «незаконно созданным государством» и указавшего, что Россия должна обладать конституционным статусом государства, «непричастного к тоталитарным преступлениям» [14]. Последовавшая публичная дискуссия показала отсутствие общественного согласия по вопросу об отношении к советскому периоду отечественной истории.

В результате конституционной реформы 2020 г. в Конституцию РФ была внесена ст. 67.1, призванная создать основы конституционно-правового института охраны исторической памяти [9].

Анализ норм ст. 67.1 показывает, что в ней представлена попытка определить национальный образ истории России. Этому служат, во-первых, положения ч. 1, провозглашающие Российскую Федерацию правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза СССР в отношении членства в международных организациях, участия в международных договорах за пределами территории РФ и, во-вторых, нормы ч. 2, где содержится указание на «преемствен-

ность в развитии Российского государства». Таким образом, представленная в ст. 67.1 конституционно-правовая концепция национального образа истории России основывается на принципах единства и преемственности и не содержит негативных оценок каких-либо отдельных периодов нашей истории.

Заслуживает внимания юридическая техника, использованная в ч. 2 ст. 67.1. Текст этой части представляет собой развернутый и уточненный фрагмент преамбулы Конституции, тем самым конституционный законодатель как будто сделал «работу над ошибками» и вопросы, не решенные в 1993 г. в преамбуле, переработал в конституционную норму в 2020 г.

В ч. 3 ст. 67.1 получили закрепление нормы, направленные на защиту государственной мемориальной концепции: в частности, устанавливаются обязанности Российской Федерации чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды и не допускать умаления значения подвига народа при защите Отечества.

Именно норма о государственной защите исторической правды, сформулированная в ч. 3 ст. 67.1, вызвала больше всего нареканий в научной литературе. Авторы обращают внимание на соотношение норм ст. 67.1 с другими принципами и институтами конституционного права. В. Д. Мазяев указывает, что в «понятиях “правопреемство в историческом развитии”, “защита исторической правды”, “патриотизм”, “гражданственность”, “общероссийская культурная идентичность” дается представление о важнейших идеологических ориентирах для общества, государства, личности. При этом содержание данных норм не может быть однозначным и непротиворечивым в условиях отсутствия государственной обязательной идеологии (ст. 13 Конституции РФ)» [15, с. 20]. По мнению П. А. Астафичева, ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, установившая юридическую необходимость «обеспечения защиты исторической правды», заслуживает, главным образом, критической оценки в контексте ее соотношения с конституционными правами на свободу научного творчества, свободу мысли и слова, принципом идеологического многообразия и демократическим характером российской государственности и ограничивает право граждан на собственную позицию по историческим вопросам и поиск своей «исторической правды» [16, с. 10].

### Результаты

Установление государственной мемориальной концепции на конституционном уровне призвано решить задачи по определению аксиологических основ развития общества, формиро-



ванию национального самосознания, сохранению культурной идентичности и духовно-информационного суверенитета.

Высокая социальная значимость регулируемых общественных отношений, их относительная обособленность и внутреннее структурное единство дают основание сделать вывод о формировании нового конституционно-правового института охраны исторической памяти. Этот процесс характерен как для России, так и для зарубежных стран. Дискуссионные вопросы формирования указанного института связаны с его соотношением с уже сложившимися принципами и институтами конституционного права.

### Список литературы

1. *Кутафин О. Е.* Предмет конституционного права. М. : Юрист, 2001. 444 с.
2. *Комкова Г. Н.* Содержание системы конституционного права России : современное прочтение // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 76–83. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.076-083>
3. *Садовникова Г. Д.* Системообразующие институты конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 84–91. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.084-091>
4. Конституции государств (стран) мира. Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения: 15.11.2021).
5. *Бушуев В. В.* Национальные образы истории в конституциях стран мира // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19, № 1. С. 78–87. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-1-78-87>
6. Loi N° 90-615 du 13 juillet 1990 tendant à réprimer tout acte raciste, antisémite ou xenophobe. URL: [https://www-legifrance-gouv-fr.translate.google/loda/id/JORFTEXT000000532990/?\\_x\\_tr\\_sl=fr&\\_x\\_tr\\_tl=ru&\\_x\\_tr\\_hl=ru&\\_x\\_tr\\_pto=sc](https://www-legifrance-gouv-fr.translate.google/loda/id/JORFTEXT000000532990/?_x_tr_sl=fr&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc) (дата обращения: 15.11.2021).
7. *Варченко И. А., Литвяк Л. Г.* Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления, аналогичные ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» (часть 2) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11, ч. 2. С. 501–504.
8. Закон «Об Институте национальной памяти – Комиссии по расследованию преступлений против польского народа» от 18 декабря 1998 года (поправки от 1 февраля 2018 года) // Конституции государств (стран) мира. Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1879> (дата обращения: 21.10.2021).
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
10. *Куликова С. А., Митрохин В. А.* Преамбульность как политико-правовая категория развития государства // Политический образ будущего России : Стратегические приоритеты и перспективы в условиях идейно-ценностного плюрализма : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 47–52.
11. Об увековечении Победы советского народа : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1928 ; 2021. № 27 (ч. I), ст. 5108.
12. *Дорский А. Ю., Черногор Н. Н.* Вторая мировая война как социальная травма : сравнительный анализ российского и французского законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, вып. 2. С. 311–331. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.208>
13. *Дорская А. А., Дорский А. Ю.* Официальная политика памяти в современной России : юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, вып. 2. С. 124–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.201>
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2019 № 39-П // Информационный портал Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision442846.pdf> (дата обращения: 07.11.2021).
15. *Мазаев В. Д.* Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 7. С. 15–31. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.015031>
16. *Астафичев П. А.* Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 5–11. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).5-11](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).5-11)

### References

1. Kutafin O. E. *Predmet konstitutsionnogo prava* [The Subject of Constitutional Law]. Moscow, Yurist Publ., 2001. 444 p. (in Russian).
2. Komkova G. N. The content of the system of Russian constitutional law: A modern perspective. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10 (95), pp. 76–83 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.076-083>
3. Sadovnikova G. D. Core institutions of constitutional law. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10 (95), pp. 84–91 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.084-091>
4. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira. Biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world. Library of constitutions of Pashkov Roman). Available at: <https://worldconstitutions.ru/> (accessed 15 November 2021) (in Russian).



5. Bushuev V. V. National images of history in the constitutions of the world. *Bulletin of the Volga Institute of Administration*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 78–87 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-1-78-87>
6. Loi N° 90-615 du 13 juillet 1990 tendant à réprimer tout acte raciste, antisémite ou xenophobe. Available at: [https://www-legifrance-gouv-fr.translate.goog/loda/id/JORFTEXT000000532990/?\\_x\\_tr\\_sl=fr&\\_x\\_tr\\_tl=ru&\\_x\\_tr\\_hl=ru&\\_x\\_tr\\_pto=sc](https://www-legifrance-gouv-fr.translate.goog/loda/id/JORFTEXT000000532990/?_x_tr_sl=fr&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc) (accessed 15 November 2021).
7. Varchenko I. A., Litvyak L. G. Criminal legislation of foreign countries about responsibility for the crimes similar art. 354. 1 of the Criminal Code of Russian Federation “Rehabilitation of Nazism” (Part 2). *Gumanitarnye, sotsial’no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences], 2015, no. 11, pt. 2, pp. 501–504 (in Russian).
8. Law “On the Institute of National Remembrance – Commission for the Investigation of Crimes Against the Polish Nation” of December 18, 1998 (amended on February 1, 2018). *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira. Biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world. Library of constitutions of Pashkov Roman). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=1879> (accessed 21 October 2021) (in Russian).
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993), with changes approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel’stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
10. Kulikova S. A., Mitrohin V. A. Continuity as a political and legal category of state development. In: *Politicheskii obraz budushchego Rossii: Strategicheskie priority i perspektivy v usloviyakh ideyno-tsennoznostnogo plyuralizma* [The political image of the future of Russia: Strategic priorities and prospects in the context of ideological and value pluralism: Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2020, pp. 47–52 (in Russian).
11. On perpetuating the Victory of the Soviet people. Federal Law 80-FZ of May 19, 1995. *Sobranie zakonodatel’stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1995, no. 21, art. 1928; 2021, no. 27 (pt. I), art. 5108 (in Russian).
12. Dorskii A. Yu., Chernogor N. N. The Second World War as a social trauma: A comparative analysis of Russian and French legislation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, iss. 2, pp. 311–331 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.208>
13. Dorskaia A. A., Dorskii A. Yu. The official policy of memory in modern Russia: Legal dimension. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2018, vol. 9, iss. 2, pp. 124–138 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.201>
14. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 39-P of December 10, 2019. *Information portal of the Constitutional Court of the Russian Federation*. Available at: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision442846.pdf> (accessed 7 November 2021) (in Russian).
15. Mazaev V. D. The Search for New Meanings Continues (Concerning the Amendments to the Constitution of the Russian Federation). *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 7, pp. 15–31 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.015031>.
16. Astafichev P. A. Ensuring the protection of historical truth as a new principle of contemporary Russian constitutional law. *Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 5–11 (in Russian). [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).5-11](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).5-11)

Поступила в редакцию 28.11.2021; одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 16.12.2021  
The article was submitted 28.11.2021; approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 16.12.2021